

О передаче нарратива в переводе на примере лексических единиц *raivre* и *bonhomme* (на материале романа Г. Флобера "Madame Bovary")*

Валентина В. Карапец^{a, @, ID}

^a Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Россия, г. Москва

@ valentinakarapec@yandex.ru

ID <https://orcid.org/0000-0002-0706-8214>

Поступила в редакцию 10.11.2020. Принята к печати 03.12.2020.

Аннотация: Рассмотрены некоторые особенности нарратива, а именно нулевая фокализация и оценка какого-либо персонажа текста, которая может принадлежать как повествователю, так и другому персонажу и нарушать фокализацию. Цель – на материале девяти русских переводов романа Г. Флобера "Madame Bovary" рассмотреть способы передачи двух лексических единиц (прилагательного *raivre* и существительного *bonhomme*), содержащих субъективную оценку при наименовании персонажа. Изучаемые фрагменты были отобраны методом сплошной выборки и проанализированы с применением сопоставительного метода и привлечением одно- и двуязычных французских и русских словарей. Анализ множественных переводов показал, что исходный оценочный компонент в основном сохраняется, причем в большей степени при передаче *raivre*, нежели *bonhomme*. Подобная несбалансированность может быть, в частности, обусловлена наличием серии семантически близких русских эквивалентов для *raivre*, в отличие от *bonhomme*. Следовательно, лексический изоморфизм присутствует не всегда: в ряде случаев оценка сглаживается, реже – меняется на противоположную, а русские эквиваленты приобретают дополнительные семантические и стилистические оттенки. Все эти «искажения» при переводе могут привести к смене исходной точки зрения (от повествователя к персонажу и наоборот). Подобные деформации нарратива в переводе могут быть вызваны отсутствием «зеркальных» русских эквивалентов, в более ранних переводах – выбором устаревшей на настоящий момент лексики, создающей эффект архаизации или привносящей отличные от оригинала значения и стилистическую окраску, а также невниманием переводчиков как к исходному смыслу, так и к особенностям нарратива в целом. Результаты работы могут быть применены в подготовке двуязычных корпусов параллельных текстов, в разработке пособий по сопоставительной лексикологии.

Ключевые слова: точка зрения, фокализация, повествователь, субъективная оценка, наименование, множественные переводы, лексическая единица, изоморфизм, деформации

Для цитирования: Карапец В. В. О передаче нарратива в переводе на примере лексических единиц *raivre* и *bonhomme* (на материале романа Г. Флобера "Madame Bovary") // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 4. С. 1079–1087. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-4-1079-1087>

Введение. Нулевая фокализация vs субъективная оценка при наименовании персонажа

Изучая особенности нарратива, авторы отечественных и зарубежных научных работ констатируют, что в целом начиная с XIX в. нарратив стал постепенно развиваться по пути «уменьшения роли повествователя» [1, с. 214; 2, р. 96; 3; 4]. Это означает, что авторы художественных текстов стали стремиться исключить полностью свое присутствие, становясь всезнающим наблюдателем, который беспристрастно передает события¹ и знает значительно больше персонажа: «Задача слова – прежде всего живописать

явления реального мира, слово должно быть адекватно не чувству и не мысли автора, но самому объективному факту действительности» [7, с. 166, 173]. В научной литературе, посвященной исследованию творчества Г. Флобера, нередко можно встретить упоминание о том, что во многом благодаря именно Г. Флоберу во французской прозе XIX в. получил распространение прием «нулевой фокализации»² (*focalisation zéro*) [8, р. 248]. По этому поводу М. Коэн пишет, что наиболее именитые авторы второй половины XIX в. – в их числе Г. Флобер и Э. Золя – избрали такую точку зрения, которая позволяет им «стираться» между

* Работа выполнена при поддержке РФФИ, грант № 19-012-00620 А.

¹ Так, наряду со многими исследователями, Ф. Рюлье-Тере проводит различие между реальным автором и неким «фиктивным» повествователем, своего рода «имплицитным рассказчиком», «постоянно присутствующим свидетелем», который находится за пределами рассказываемой истории [5, р. 93; 1, с. 205–206]. Мы также будем придерживаться мысли о том, что события передаются в художественном тексте от лица не автора, а повествователя [6].

² Отметим, что классификация типов фокализации была разработана Ж. Женеттом и подробно описана им в труде «Figures III». Так, при нулевой фокализации (*focalisation zéro, omnisciente*), интересующей нас в настоящей работе, повествователь обладает полным знанием о персонаже (*le point de vue de Dieu*), располагаясь словно «над» ним [8; 1, с. 205; 9, с. 119–120; 10; 11].

персонажами и читателями [12, р. 111]. Среди отечественных исследователей о роли Г. Флобера в формировании новой тенденции пишет, в частности, Е. В. Падучева: «вдохновенным пропагандистом новой эстетической нормы был Флобер. Его формула – автор должен присутствовать всюду, но нигде не быть виден» [1, с. 215].

Вместе с тем в теоретических работах часто встречается и уточняющее наблюдение: нулевая фокализация присутствует в тексте не повсеместно; более того, ее доминирование, по всей вероятности, и не представляется возможным³ [5, р. 93]. В текст зачастую «вклиниваются» способы выражения, лишенные нейтральности, т. е. повествователь все же проявляет себя и свое отношение к героям: «Нередко идеологическая точка зрения выражается в виде той или иной речевой (стилистической) характеристики, то есть фразеологическими средствами» [9; 15, р. 248; 6; 10]. Одним из наиболее распространенных способов выражения отношения выступает оценочная лексика; согласно Ж. Гард-Тамин, между повествователем и персонажами неизбежна доля субъективности, которая выражается на уровне высказываний с помощью модальных слов и особенно оценочных прилагательных (*adjectifs appréciatifs*) [13, р. 121]. Отметим, что исследователи чаще упоминают об отношении к персонажу с позиций именно повествователя. Однако оно может выражаться не только повествователем, но и другими персонажами [3; 4; 11; 16].

Особенности нарратива представляют собой в том числе тематику для анализа множественных переводов. В настоящей статье мы сконцентрируемся именно на передаче этих особенностей, задаваясь вопросом, насколько изоморфно они передаются. Подобного рода задачи решаются в некоторых работах последних лет [17–20]. Отметим, что современные сопоставительные исследования, посвященные нарративу, и в частности точке зрения, ведутся на материале не только французского, но и других языков (см. работы К. А. Андреевой [21], О. В. Курских [22], Е. А. Леонтьевой [23], Н. В. Матвеевой [24], А. В. Татару [25]).

Задача нашего исследования – рассмотреть способы передачи в русских переводах некоторых наименований⁴ персонажей на примере оценочных лексических единиц, которые позволяют выразить субъективное отношение повествователя или же других персонажей. Мы рассмотрим, в частности, как переводятся прилагательное *pauvre*

в препозиции к одушевленному существительному и существительное *bonhomme*. Материалом для статьи служат фрагменты романа Г. Флобера *Madame Bovary*, отобранные методом сплошной выборки, и эквивалентные им фрагменты в 9 русских переводах⁵. Это анонимные переводы 1858, 1881, 1913 и 1938 г., переводы, выполненные Л. Г. (нам известны лишь инициалы переводчика) (1895), А. Г. Горнфельдом (1896), А. Н. Чеботаревской (1911), А. И. Роммом (1935) и Н. М. Любимовым (1956).

Взятое нами оценочное прилагательное *pauvre*, выступающее в роли эпитета, выбирается применительно к Шарлю Бовари⁶ то повествователем, то другими героями. Его основное контекстуальное значение в нашем случае, предлагаемое в словаре *Trésor de la langue française (TLF)*: «внушающий жалость, сострадание» (*qui inspire de la pitié, de la commisération*)⁷. Оно встречается в следующих словосочетаниях: *pauvre garçon* (5 раз); *pauvre homme* (4 раза, из них дважды – в репликах Эммы, где в одном случае она выражает к Шарлю презрение, а в другом – жалость); *pauvre Charles* (1 раз); *pauvre diable* (1 раз)⁸; *pauvre enfant* (1 раз).

Таким образом, в качестве оценочного *pauvre* используется в романе 75 раз, где на характеристику Шарля Бовари приходится около 20 случаев, которые мы и будем рассматривать.

Что касается существительного *bonhomme*, то оно используется значительно реже и исключительно в отношении отца Эммы: в общей сложности 6 раз и 1 раз – в сочетании с именем собственным *bonhomme Rouault*. Первое значение, фигурирующее в словаре *TLF*, содержит положительную оценку: «добродетельный, положительный человек, благосклонный к другим» (*homme bon, vertueux, d'un comportement favorable, agréable à autrui*, уст.).

Передача точки зрения и сопутствующей оценки в русских переводах

Ниже мы разберем контексты с *pauvre* и *bonhomme*, где, с одной стороны, проанализируем, кем выражается то или иное отношение (повествователем или персонажем⁹), а с другой стороны, рассмотрим варианты передачи сочетаний с этими лексическими единицами в девяти русских переводах¹⁰.

³ Нередки случаи перехода от одной точки зрения к другой – от повествователя к персонажу [13, р. 120; 14].

⁴ Термин позаимствован нами у Б. А. Успенского: см. раздел «Наименование как проблема точки зрения» в его работе «Поэтика композиции» [9].

⁵ Таким образом, наша работа вписывается в актуальный сегодня формат корпусных исследований на материале параллельных текстов (см. Р. Лоок [26]).

⁶ Отметим, что это прилагательное характеризует и других героев, а также сочетается с неодушевленными существительными; кроме того, в ряде контекстов (которые мы не учитываем) оно не является оценочным.

⁷ *Trésor 1971–1994 – Trésor de la langue française. Dictionnaire de la langue du XIXe et du XXe siècle en 16 volumes et un supplément. Paris, 1971–1994. Режим доступа: <http://atilf.atilf.fr> (дата обращения: 05.06.2020).*

⁸ Встречаются еще 4 таких употребления, но применительно к другим персонажам. Упомянем также о трех случаях в прямой речи: *pauvre jeune homme*, *pauvre Bovary*, *pauvre mari*.

⁹ «Флобер не ограничивается тем, чтобы передавать видение происходящего исключительно глазами героини. Очень часто он перенимает точку зрения других персонажей, не только второстепенных» [15, р. 255] (перевод наш – В. К.).

¹⁰ См., например, статью Е. Э. Разлоговой, где, в частности, анализируются способы передачи во французских переводах пушкинской «Пиковой дамы» некоторых «именований», например, графини, Лизаньки и Германна [17, с. 76–78].

Pauvre Charles: бедняк, бедняга, бедный мальчик, несчастный

Рассмотрим словосочетание *pauvre garçon* сначала применительно к Шарлю-ребенку, а затем – к уже взрослому Шарлю. Начнем с примера, где повествователь выражает сочувствие подростку Шарлю, ставшему предметом насмешек со стороны своих одноклассников, которые были младше него: *Il y eut un rire éclatant des écoliers qui décontenança le pauvre garçon, si bien qu'il ne savait s'il fallait garder sa casquette à la main, la laisser par terre ou la mettre sur sa tête*¹¹ (р. 6) – Дружный смех школьников привел бедного мальчика в замешательство – он не знал, держать ли ему фуражку в руках, бросить ли на пол или надеть на голову¹² (с. 8). Варианты передачи: бедный мальчик (1858¹³, Г., 1913, Ромм, 1938, Л.), бедный мальчик (Л. Г., Ч.) (разг. парень, юноша, подросток¹⁴), бедняк (1881). Отметим, что *бедняк* в третьем значении в словаре С. И. Ожегова приравнивается к *бедняге* – разг. жалкому, заслуживающему сожаления человеку¹⁵, а в словаре современного русского литературного языка это значение сопровождается пометой *устар.*¹⁶ Таким образом, при анализе лексических решений необходимо учитывать время создания перевода: в современном языке те или иные лексические единицы могут оказаться устаревшими (например, сегодня *бедняк* ассоциируется прежде всего с бедностью, нехваткой средств) (С. И. Ожегов). Оценка же в переводах сохраняется, тогда как стиль в некоторых случаях снижается до разговорного, словно соответствуя среде, из которой происходил Шарль, а не отражая позицию повествователя.

Приведем пример, где с помощью *pauvre garçon* передается жалость и сострадание повествователя к Шарлю – главе семейства, который по вине Эммы неоднократно оказывается в непрестом положении, будь то финансовые затруднения или взаимоотношения с близкими: *Emma ouvrit la fenêtre, appela Charles, et le pauvre garçon fut contraint d'avouer la parole arrachée par sa mère* (р. 340) – Бедняга принужден был сознаться, что мать вырвала у него это обещание (с. 342). Способы передачи отражают исходный оценочный компонент: бедняк (1858, 1881, Л. Г.), бедняга (Ромм, Л.), бедный мальчик (Ч., 1938), несчастный (Г., 1913). Вариант *несчастный* обладает, во-первых, значением «человек, который испытывает несчастье, страдает», а во-вторых,

«внушает жалость»¹⁷. Таким образом, этот эквивалент можно трактовать как с позиций Шарля, который метался между Эммой и матерью, стараясь угодить обеим, и поэтому переживал, так и с позиций повествователя, сочувствующего Шарлю.

В следующем примере отражена точка зрения, скорее, учителя, которому в конце концов стало жаль новичка Шарля: *Cependant, sous la pluie des pensums, l'ordre peu à peu se rétablit dans la classe, et le professeur, parvenu à saisir le nom de Charles Bovary, se l'étant fait dicter, épeler et relire, commanda tout de suite au pauvre diable d'aller s'asseoir sur le banc de paresse, au pied de la chaire* (р. 6) – Под градом окриков порядок мало-помалу восстановился, учитель, заставив новичка продиктовать, произнести по складам, а потом еще раз прочитать свое имя и фамилию, в конце концов разобрал слова «Шарль Бовари» и велел бедняге сесть за парту «лентяев», у самой кафедры (с. 8). *Pauvre diable* представляет собой устойчивое выражение со значением «бедный, несчастный, человек, внушающий жалость» (*un pauvre homme; un homme misérable, qui inspire la pitié*) (TLF), которое передает симпатию в сочетании со снисходительностью. Все варианты перевода в целом адекватно отражают оценку и точку зрения, при этом некоторые из них относятся к разговорному стилю: бедняга (1858, Ч., Ромм, 1938, Л.), несчастный мальчик, бедный мальчик (1881, Л. Г.), бедный парень (Г., 1913) (разг. молодой человек, юноша, первоначально молодой крестьянин¹⁸).

В следующем примере представлена точка зрения матери Шарля: *Elle [la mère de Charles] conclut les arrangements pour sa pension <...> et acheta de plus un petit poêle en fonte, avec la provision de bois qui devait chauffer son pauvre enfant* (р. 12) – Она уговорила ее насчет пансиона, <...> а чтобы ее бедный мальчик не замерз, купила еще чугунную печурку и дров (с. 14). Варианты перевода: (ее) бедное дитя (ее) (1858, Г., 1913), (ее) бедный мальчик (1881, Ромм, 1938, Л.), свое бедное дитя (Л. Г.), дитя (Ч.). Оценочный компонент, в отличие от точки зрения, сохранен во всех переводах: вариант *бедный мальчик* отражает видение как повествователя, так и госпожи Бовари-старшей. Стоит отметить, что если исходное словосочетание стилистически нейтрально, то эквивалентные *дитя* сопровождаются в толковых словарях пометами *трад.-нар.* и *устар.* (БТС,

¹¹ Здесь и далее французский текст (с указанием страницы в скобках) цитируется по изданию: Flaubert Gustave. Madame Bovary. Moeurs de province. СПб.: КАРО, 2010. 456 с.

¹² Здесь и далее после французского текста приводится русский перевод (с указанием страницы в скобках) авторства Н. М. Любимова: Флобер Г. Госпожа Бовари. Провинциальные нравы. М.: Эксмо, 2013. 448 с.

¹³ В этом и всех последующих примерах русские переводы будут обозначаться следующим образом: 1858, 1881, 1913, 1938 – применительно к анонимным переводам соответствующих лет будет указан год их издания; Л. Г. – перевод Л. Г.; Г. – перевод А. Г. Горнфельда, Ч. – А. Н. Чеботаревской, Л. – Н. М. Любимова.

¹⁴ Бедняк // Большой толковый словарь русского языка (БТС) / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. Публикуется в авторской редакции 2014 года. Режим доступа: <http://gramota.ru/slovari/dic/?word=бедняк&all=x> (дата обращения: 06.06.2020).

¹⁵ Бедняк // Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1999. Режим доступа: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=1215> (дата обращения: 05.06.2020).

¹⁶ Бедняк // Большой академический словарь русского (БАС). М.; СПб., 1955. Т. 1: А–Бишь.

¹⁷ Несчастный // БАС. Т. 9: Л–Медь.

¹⁸ Парень // БТС. Режим доступа: <http://gramota.ru/slovari/dic/?word=парень&all=x> (дата обращения: 06.06.2020).

С. И. Ожегов), а *дитятко* – ласк. и умалит. (В. Даль¹⁹), т. е. переводчики несколько усиливают точку зрения матери Шарля, перенимая ее фразеологию и, вероятно, подчеркивая, что будучи простой малообразованной женщиной, она тем не менее приложила все возможные усилия, чтобы сделать обучение сына доступным.

Рассмотрим два разных по оценке контекста со словосочетанием *pauvre homme* в их составе: *Quand la nappe fut ôtée, Bovary ne se leva pas, Emma non plus ; et, à mesure qu'elle l'envisageait, la monotonie de ce spectacle bannissait peu à peu tout apitoiement de son cœur. Il lui semblait chétif, faible, nul, enfin être un pauvre homme, de toutes les façons* (р. 312) – Когда убрали скатерть, ни Шарль, ни Эмма не встали из-за стола. Она вглядывалась в мужа, и это однообразное зрелище изгоняло из ее сердца последние остатки жалости к нему. Шарль казался ей невзрачным, слабым, никчемным человеком, короче говоря – полнейшим ничтожеством (с. 313). Оценочные прилагательные, задействованные в этом примере с несобственно прямой речью, принадлежат фразеологии Эммы, выражая ее презрительное и даже неприязненное отношение к Шарлю. В оригинале наблюдается градация «недостойных» качеств Шарля; во всех переводах соответствующая идея в целом передана, и точка зрения Эммы сохранена благодаря глаголу *казаться*. Русские эквиваленты для *un pauvre homme* полностью передают значение этого словосочетания (*marque le dédain, le mépris*) (TLF): ничтожный человек (1858), ничтожный (1881), жалкий человек / человек жалкий (А. Г., Ч.), полное ничтожество (Г., 1913), полнейшее ничтожество (Л.), презренный человек (Ромм, 1938). Согласно толковым словарям, *ничтожный человек, ничтожество* – «мелкий, никчемный, жалкий, лишенный внутренней значительности и содержательности человек», в особенности когда речь идет о его духовной жизни (БАС, С. И. Ожегов). Можно предположить, что Эмма подразумевала совокупность всех этих недостатков Шарля. Что касается прилагательного *жалкий*, то оно в первую очередь передает значение «вызывающий сочувствие» и затем – «вызывающий презрение»; кроме того, имеются значения «ничтожный, презренный» с пометами *пренебр.*, *презрит.*²⁰

В следующем примере видно сострадание повествователя к Шарлю-отцу, который переживал, что не может должным образом позаботиться об осиротевшей дочери: *Il souffrait, le pauvre homme, à la voir si mal vêtue, avec ses brodequins sans lacet et l'emmanchure de ses blouses déchirée jusqu'aux hanches, car la femme de ménage n'en prenait guère de souci* (р. 423) – Шарль, глубоко несчастный, страдал еще оттого, что она так бедно одета, что башмачки у нее без шнурков, что кофточка рваные, – служанка о ней не заботилась (с. 425). Варианты

перевода: бедняк (1881), бедняга (А. Г., Ч.), бедняга отец (Ромм, 1938), бедный Бовари (1858), несчастный (Г., 1913), Шарль, глубоко несчастный (Л.). Во всех переводах идея сострадания прослеживается, будь то посредством существительных *бедняга, бедняк* или же с помощью *бедный, несчастный*. А. И. Ромм упоминает роль Шарля (*бедняга отец*), а автор перевода 1858 г. и Н. М. Любимов добавляют имена (Бовари и Шарль соответственно); более того, Н. М. Любимов включает оценочное прилагательное в состав обособленного оборота в постпозиции к главному слову, тем самым усиливая эмоциональный эффект. Точка зрения повествователя сохранена во всех переводах.

Таким образом, на примере передачи прилагательного *paivre* в составе различных словосочетаний, характеризующих Шарля Бовари от лица повествователя или других героев, мы можем констатировать, что в русских переводах этот оценочный компонент в основном сохраняется и исходная точка зрения практически не меняется. Такая точность передачи, возможно, достигается за счет относительной прозрачности интерпретации этого прилагательного, наличия семантически близких русских эквивалентов в двуязычных словарях, а также частотности его употребления. Что касается некоторых лексических решений, то ввиду временного разброса русских переводов (около 100 лет) ожидаемо присутствуют варианты, которые квалифицируются современными толковыми словарями русского языка как устаревшие.

Vonhomme: добряк, дядюшка, папаша, старикашка

Прежде всего рассмотрим несколько контекстов, в которых фигурирует номинация *père Rouault* глазами то повествователя, то персонажей.

Le père Rouault n'eût pas été fâché qu'on le débarrassât de sa fille, qui ne lui servait guère dans sa maison (р. 30) – Папаша Руо был не прочь сбыть дочку с рук, – помогала она ему плохо (с. 32). *Père Rouault* отражает точку зрения повествователя и отчасти Эммы; существительное *père* в сочетании с именем собственным, согласно словарю TLF, обозначает человека зрелого возраста и скромного положения (*un homme d'âge mûr et de condition modeste*) и сопровождается пометой *фам.* (*appellation familiale*). Варианты передачи: старик Руо (1858, 1881, А. Г., Ч.), дядя Руо (Г., 1913), дядюшка Руо (Ромм, 1938), папаша Руо (Л.). Среди всех этих вариантов только эквивалент *старик Руо* нейтрален, отсылая к представителю старшего поколения. Что касается семантических, стилистических и оценочных оттенков в других переводах, то согласно словарю С. И. Ожегова, *дядя*²¹ в сочетании с именем собственным – «простой

¹⁹ Дитя // Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Репр. воспроизв. изд. 1912–1914. М.: Цитадель, 1998. Режим доступа: <http://slovardalja.net> (дата обращения: 05.07.2020).

²⁰ Жалкий // Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. М., 2000. Т. I. Режим доступа: <https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=15050> (дата обращения: 06.07.2020).

²¹ Дядя // Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка... Режим доступа: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=7423> (дата обращения: 05.06.2020).

немолодой мужчина (уважит.), а также знакомый мужчина, старший по возрасту» (разг.); *папаша*²², *дядюшка* – «ласковое обращение к пожилому мужчине» (фам.). Все эти варианты сопровождаются пометой *прост.* Сразу отметим, что некоторые из них в большинстве случаев оказываются свойственными тому или иному переводчику, например, *дядюшка* чаще всего встречается у А. И. Ромма, *папаша* – у Н. М. Любимова.

Приведем пример несобственно прямой речи, где имя *père Rouault* произносится Шарлем и мысль развивается с его точки зрения: *hélas! le père Rouault était bien riche, et elle [Emma]!... si belle!* – Красавица... наследница **богатого отца**... (1858); Увы! **старик Руо** был так богат, а она!.. а она так хороша (1881); Увы! **старик Руо** очень богат, а она... так прекрасна! (Л. Г.); Увы! **Дядя Руо** так богат, а она... так прелестна! (Г., 1913); К сожалению, **старик Руо** богат, а она... так красива! (Ч.); Увы! **Дядюшка Руо** очень богат, а она... она так прекрасна! (Ромм, 1938); Увы! **Папаша Руо** богат, а она... она такая красивая! (Л.). В этом контексте исходное наименование приобретает несколько иное значение, и появляется оттенок уважительного отношения (*un homme jouissant d'une certaine considération, de quelque notoriété, voire d'une grande célébrité*) (TLF) – но по-прежнему с сохранением фамильярности. В переводах предложены те же варианты, что и в предыдущем примере. В самом раннем переводе 1858 г. формулировка не только является поясняющей²³, но и свидетельствует о смене позиции в сторону Эммы. Отметим, что изоморфным²⁴ вариантом мог бы послужить, к примеру, *отец Эммы*, не предложенный ни одним из переводчиков.

Emma eût, au contraire, désiré se marier à minuit, aux flambeaux; mais le père Rouault ne comprit rien à cette idée (р. 33) – Эмме хотелось венчаться в полночь, при свете факелов, но папаше Руо эта затея не пришлась по душе (с. 34). Русские варианты: отец ее (1858), отец (1881), отец Руо (Л. Г.), дядя Руо (Г., 1913, Ч.), дядюшка Руо (Ромм, 1938), папаша Руо (Л.). В ранних переводах (1858, 1881, Л.Г.) переданы родственные отношения, что приближает к точке зрения Эммы. Отметим, что дословный вариант *отец Руо*, с помощью которого переводчик, видимо, пытался отразить исходную точку зрения, наводит на религиозные коннотации. При анализе же остальных вариантов (дядя, дядюшка, папаша) создается ощущение фамильярности и некоторого снисхождения к простоте Руо, и прослеживается позиция повествователя.

Теперь перейдем непосредственно к контекстам с *bonhomme* и их русским эквивалентам. В трех нижеследующих примерах точка зрения принадлежит повествователю.

Les poiriers déjà étaient en fleur, et le bonhomme Rouault, debout maintenant, allait et venait, ce qui rendait la ferme plus animée (р. 27) – Только груши уже цвели, а папаша Руо был уже на ногах и расхаживал по ферме, внося в ее жизнь некоторое оживление (с. 29). Русские эквиваленты: Руо (1858), старый Руо (1881), старик Руо (Л. Г., Г., 1913), добряк Руо (Ч., Ромм, 1938), папаша Руо (Л.). Благожелательное отношение повествователя (а возможно, и Шарля, ведь в этом эпизоде Шарль отправляется в гости на ферму Руо) передано в вариантах *добряк Руо*, *папаша Руо*. Согласно БАС, *добряк*²⁵ (разг.) – «добрый, добродушный, бесхитростный человек». Стоит тем не менее отметить, что при выборе этих двух вариантов, характерных для разговорного стиля, переводчики словно перенимают чужую фразеологию, не принадлежащую повествователю. В остальных переводах (старый Руо, старик Руо) благодушие повествователя, скорее, сглажено, а в самом раннем переводе (Руо) и вовсе отсутствует.

Loin d'y avoir fait fortune, le bonhomme y perdait tous les ans ; car, s'il excellait dans les marchés, où il se plaisait aux ruses du métier, en revanche la culture proprement dite, avec le gouvernement intérieur de la ferme, lui convenait moins qu'à personne (р. 30–31) – В самом деле, старик не только не богател, но из году в год терпел убытки, ибо хотя на рынках он чувствовал себя как рыба в воде и умел показать товар лицом, зато собственно к земледелию, к ведению фермерского хозяйства он не питал ни малейшей склонности (с. 32–33). Эквиваленты в переводах: старый фермер (1858), фермер (Л. Г.), добряк (1881, Ромм, 1938), старик (Г., 1913, Л.), он (Ч.). В *bonhomme* сочетаются простота, нерасторопность, леность, нежелание Руо погружаться в хозяйственные дела фермы и, возможно, легкое сочувствие и снисходительность повествователя к этим «недостаткам» Руо. Варианты *старый фермер*, *старик*, *он* стирают эти черты, а (*старый*) *фермер*, кроме того, содержит разъяснение и придает тексту «деловой» характер.

Elle [Emma] se fit faire un tableau funèbre avec les cheveux de la défunte, et, dans une lettre qu'elle envoyait aux Bertaux, toute pleine de réflexions tristes sur la vie, elle demandait qu'on l'ensevelît plus tard dans le même tombeau. Le bonhomme la crut malade et vint la voir (р. 50) – Она заказала траурную рамку для волос покойницы, а в письме к отцу, полном мрачных мыслей о жизни, выразила желание, чтобы ее похоронили в одной могиле с матерью. Старик решил, что дочка заболела, и поехал к ней (с. 51). В данном случае наименование *bonhomme* выбрано повествователем; его можно трактовать как «простой, наивный, крайне доверчивый и вызывающий снисхождение человек» (*homme simple, naïf, excessivement crédule ou complaisant*) (TLF). Это значение

²² Папаша // Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка... Режим доступа: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=19878> (дата обращения: 05.06.2020).

²³ См. об этой переводческой универсалии у А. Бермана: согласно его классификации, разъяснение в переводе является одной из «деформирующих тенденций» – *clarification* [27, р. 54–55].

²⁴ Об изоморфизме в переводе см., например, [19].

²⁵ Добряк // БАС. Т. 5: Деньга–Жюри.

передано с помощью *простак* (Ромм) («простодушный, бесхитростный, недалекий по уму человек»²⁶), *простяк отец* (Ч.) (простореч.), *простоватый отец* (А. Г.). При этом добавление в переводах пояснения *отец* (1881) указывает, скорее, на взгляд Эммы. *Добрряк* (1938) и *добрряк отец* (1858) передают по-прежнему доброжелательное, чуть снисходительное отношение повествователя (а возможно, и Эммы) к простоте Руо, которому были непонятны причуды дочери и ее интерес к загробной жизни. А. Г. Горнфельд, автор перевода 1913 г. и Н. М. Любимов выбирают нейтральное *старик*, но Н. М. Любимов далее использует разговорное слово *дочка*, употребляемое пожилым человеком в отношении дочери – тем самым он отчасти перенаправляет точку зрения на Руо.

В отрывке (ч. 2, гл. 10), где Руо пишет письмо²⁷ дочери и зятю, текст письма прерывается комментарием повествователя, который словно наблюдает за Руо со стороны: *Et il y avait ici un intervalle entre les lignes, comme si le bonhomme eût laissé tomber sa plume pour rêver quelque temps* (р. 215) – В этом месте между строчками был оставлен пробел – бедный старик словно выронил перо и погрузился в раздумье (с. 213). Варианты передачи: *добродушный старик* (1858), *добрряк* (1881, Ч.), *старик* (А. Г., Ромм, 1938), *бедный старик* (А.), *старикашка* (Г., 1913). Представляется, что варианты *добрряк* и *добродушный старик* в полной мере отражают эмпатию повествователя, тогда как *старик* сглаживает ее. Что касается варианта *бедный старик*, то сочувствие в исходном примере, скорее, отсутствует, поэтому вариант Н. М. Любимова, пожалуй, не совсем оправдан. Наконец, эквивалент *старикашка* кажется нерелевантным: в БАС *старикашка* сопровождается пометой *уничужит*. Этот оттенок в оригинальном французском тексте отсутствует – переводчик А. Г. Горнфельд привнес новое значение, заменив доброжелательность повествователя к старику Руо на насмешку и некоторое презрение, а самому Руо словно приписав зловерность.

Наконец, приведем пример, в котором сквозит явное сострадание, сопереживание повествователя по отношению к Руо, получившему известие о смерти Эммы: *Il [Rouault] n'avait reçu la lettre du pharmacien que trente-six heures après l'événement ; et, par égard pour sa sensibilité, M. Homais l'avait rédigée de telle façon qu'il était impossible de savoir à quoi s'en tenir. Le bonhomme tomba d'abord comme frappé d'apoplexie* (р. 414) – Письмо аптекаря Руо получил только через полтора суток после печального события, а кроме того, боясь чересчур взволновать его, г-н Оме составил письмо в таких туманных выражениях, что ничего нельзя было понять. Сначала бедного старика чуть было не хватил удар (с. 416). Сочувствие со стороны повествователя выражено эксплицитно только у Любимова (*бедный старик*), тогда как в остальных вариантах оно сглажено (*старик*).

Итак, в русских переводах оценочный компонент *bonhomme*, в отличие от *pauvre* и *père*, передается менее часто и менее точно: либо оценка у русских эквивалентов нейтрализуется, либо они приобретают дополнительные смысловые оттенки (указание на возраст, род занятий) или стилистическую окраску (с пометами *разг.*, *фам.*, *прост.*), отсутствующие в оригинале.

Заключение

На ряде примеров из романа Г. Флобера "Madame Bovary" и их девяти русских переводов мы показали, что наблюдение исследователей о свойственной тексту Г. Флобера нулевой фокализации справедливо лишь отчасти. Если выражение в тексте оценки, принадлежащей другим героям, не нарушает нулевой фокализации как таковой (транслируя слова других героев, повествователь необязательно разделяет их оценку), то наличие оценочной лексики «устами» повествователя является признаком ее нарушения, свидетельствуя о том, что «всезнающий» повествователь не объективен.

Обобщая особенности наименования, которое может выступать средством выражения оценки, мы констатируем, что во французском тексте основными «именами» отца Эммы, Руо, являются *père* и *bonhomme*. *Père*, с одной стороны, указывает на возраст или родственную связь (в этом случае оценка отсутствует), а с другой стороны, может иметь оттенок фамильярности. *Bonhomme*, напротив, демонстрирует расположение повествователя или другого персонажа. Из русских примеров следует, что переводчики не всегда проводят различие между более фамильярным, «бесцеремонным» *père* и доброжелательным *bonhomme*, выбирая для обоих наименований, как правило, одни и те же эквиваленты: *старый*, *старик*, *дядя* (преимущественно А. Г. Горнфельд), *дядюшка* (А. И. Ромм) или же *папаша* (Н. М. Любимов). Переводчики достаточно точно передают *père*: в эквивалентных вариантах *дядюшка*, *папаша* прослеживается, с одной стороны, идея участливого, порой и уважительного отношения, а с другой – содержится оттенок снисхождения, насмешки к простоте, недалекости Руо (при передаче же *père* с помощью вариантов *старик*, *отец*, когда в оригинале имеются в виду возраст или родственные связи, оценки ожидаемо не будет).

Что касается передачи *bonhomme*, то переводчики могут нивелировать оценку там, где она присутствует, создавая в переводе несколько отстраненную точку зрения (если упор делается на возраст – *старик*), или же могут изменить оценку, добавив пренебрежительный оттенок (*старикашка*). Возможно, переводчики не выявили в оригинале доброжелательный компонент этой лексической единицы. Таким образом, на основании ряда случаев можно утверждать, что в русских переводах имеются некоторые смысловые потери оценочного компонента. Иными словами, наблюдается

²⁶ Простак // БТС. Режим доступа: <http://gramota.ru/slovari/dic/?word=простак&all=x> (дата обращения: 06.06.2020).

²⁷ Подробный лингвистический и литературоведческий разбор текста письма проводит, в частности, в своей статье Ж.-М. Прива [28].

неадекватная передача важного для нарратива момента, а именно оценки, что возможно рассматривать как новую деформирующую тенденцию (*tendances déformantes*) в списке А. Бермана [27, р. 52–68].

Способов же наименования Шарля Бовари используется больше, поскольку он представлен с позиций более обширного круга персонажей – одноклассников, родителей (в основном матери), Эммы и ее отца, пациентов, соседей (в первую очередь аптекаря Оме), знакомых (Родольфа и Леона). Вдобавок Шарль, будучи одним из главных героев, играет в романе значительно более важную роль, в отличие от отца Эммы – второстепенного героя. Что касается идеи сострадания (*pauvre* в сочетаниях *pauvre Charles, garçon, homme* и др.), то она передается практически в полной мере: переводчики перенимают фразеологию повествователя или же персонажа, сочувствующего Шарлю. Оценочный компонент в основном сохраняется (*бедный, несчастный* и пр.), и смысловых потерь практически не происходит. Возможно, это обусловлено относительной прозрачностью значений этого прилагательного и наличия целого ряда близких по значению русских эквивалентов.

Вместе с тем при выборе лексических решений для *pauvre* и *bonhomme* в некоторых переводах используется просторечная лексика, за счет которой повествование словно переходит от повествователя к другому лицу, что можно считать сменой изначальной точки зрения. Кроме того,

важно учитывать и диахронический аспект: в ранних переводах, датируемых второй половиной XIX в., задействована устаревшая ныне лексика. Современный читатель может воспринять такой лексический отбор как архаизацию, однако на момент выполнения перевода он был вполне естественным. Более того, у реципиента может сложиться впечатление искажения семантической составляющей оригинала (например, в случае передачи *pauvre Charles* с помощью *бедняк*).

Итак, при переводе лексических единиц с оценочной составляющей изоморфизм может нарушаться из-за стремления к дословности при отсутствии «зеркальных» эквивалентов (например, формально изоморфный *отец Руо* не эквивалентен *père Rouault* ввиду наличия дополнительных семантических и стилистических оттенков; в качестве изоморфных вариантов можно было бы предложить, в зависимости от контекста, *господин Руо, отец Эммы*), а также иных факторов (диахрония, точка зрения и пр.).

Наконец, можно предположить, что некоторые несоответствия, которые можно заметить в переводах при передаче точки зрения и оценки, являются следствием невнимания переводчиков к нарративным составляющим оригинала. Вопрос их передачи представляет собой небезыntenесный аспект и обширное малоизученное поле для сопоставительных исследований.

Литература

1. Падучева Е. В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке; семантика нарратива. 2-е изд., испр. и доп. М.: Яз. славян. культуры, 2010. 480 с.
2. Rey P.-L. Présente "Madame Bovary" de Gustave Flaubert. Paris: Gallimard, 1996. 207 p.
3. Narrative theory: Critical concepts in literary and cultural studies / ed. M. Bal. London; N. Y.: Routledge, 2004. Vol. I–IV. 1680 p.
4. Bal M. Narratology: Introduction to the theory of narrative. 2nd ed. Toronto: Univ. of Toronto Press, 1997. 254 p.
5. Rullier-Theuret F. Approche du roman. Paris: Hachette, 2001. 128 p.
6. Коженикова Н. А. Типы повествования в русской литературе XIX–XX вв. М.: ИРЯ, 1994. 336 с.
7. Эткинд Е. Г. Семинарий по французской стилистике. Т. 1: Проза. 3-е изд., доп. М.: Либроком, 2009. 360 с.
8. Genette G. Figures III. Paris: Seuil, 1972. 341 p.
9. Успенский Б. А. Поэтика композиции. СПб.: Азбука, 2000. 347 с. Режим доступа: <http://philologos.narod.ru/ling/uspen-poetcomp.htm#52> (дата обращения: 03.06.2020).
10. Шмид В. Нарратология. М.: Яз. славян. культуры, 2013. 312 с.
11. Lintvelt J. Essai de typologie narrative: le "point de vue": théorie et analyse. Paris: Corti, 1981. 315 p.
12. Cohen M. Grammaire et style, 1450–1950: cinq cents ans de phrase française. Paris: Editions sociales, 1954. 237 p.
13. Gardes-Tamine J. La stylistique. 3e éd. Paris: Armand Colin, 2010. 240 p.
14. Корман Б. О. Изучение текста художественного произведения. М.: Просвещение, 1972. 110 с.
15. Gothot-Mersch C. Le point de vue dans "Madame Bovary" // Cahiers de l'Association internationale des études françaises. 1971. Vol. 23. P. 243–259.
16. Schwanck I. La petite aventure dont le lecteur se souvient peut-être: Analyse linguistique des intrusions du narrateur dans huit romans. Helsinki: Societas scientiarum fennica, 1994. 172 p.
17. Разлогова Е. Э. «Пиковая дама» в зеркале французских переводов // Вопросы языкознания. 2012. № 6. С. 66–92.
18. Разлогова Е. Э. К проблеме передачи нарративных схем и стилистических фигур в переводе // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2013. № 3. С. 101–120.
19. Разлогова Е. Э. Об изоморфизме в переводе // Риторика. Лингвистика. 2016. № 12. С. 128–137.
20. Разлогова Е. Э. Стандартные и нестандартные варианты перевода // Вопросы языкознания. 2017. № 4. С. 52–73. DOI: 10.31857/s0373658x0001021-2

21. Андреева К. А. Грамматика и поэтика нарратива в русском и английском языках: дис. ... д-ра филол. наук. Тюмень, 1998. 242 с.
22. Курских О. В. Языковые средства выражения категории «точка зрения» в современном французском нарративном тексте: дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2013. 172 с.
23. Леонтьева Е. А. Точка зрения в нарративе (на материале сопоставительного анализа современных русских коротких рассказов и их переводов на немецкий язык): дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2005. 190 с.
24. Матвеева Н. В. Нарративная структура англоязычного художественного дискурса (на материале романов «потока сознания» начала XX века): дис. ... канд. филол. наук. М., 2003. 192 с.
25. Татару Л. В. Точка зрения и композиционный ритм нарратива (на материале англоязычных модернистских текстов). М.: Изд-во МГОУ, 2009. 302 с.
26. Loock R. La traductologie de corpus. Villeneuve d'Ascq: Presses universitaires du Septentrion, 2016. 262 p.
27. Berman A. La traduction et la lettre ou l'auberge du lointain. Paris: Seuil, 1999. 144 p.
28. Privat J.-M. La lettre et le panier. *Ethnographie de Flaubert // Ethnologie française*. 2014. Vol. 44. № 4. P. 551–561.

original article

Narrative Peculiarities in Translation: Lexical Units *Pauvre* and *Bonhomme* in G. Flaubert's novel *Madame Bovary**

Valentina V. Karapets^{a, @, ID}^a Lomonosov Moscow State University, Russia, Moscow

@ valentinakarapec@yandex.ru

ID <https://orcid.org/0000-0002-0706-8214>

Received 10.11.2020. Accepted 03.12.2020.

Abstract: The present research featured some narrative peculiarities, which could belong both to the narrator or other characters and violate the initial focalization. The paper focuses on zero focalization and evaluation of personages. The research objective was to analyze Russian equivalents of adjective *pauvre* and substantive *bonhomme*, which contain subjective evaluation in character's nomination. The research featured fragments from G. Flaubert's novel *Madame Bovary* and its nine Russian translations. They were selected according to the continuous sampling method and then analyzed using the comparative method. The study was based on mono- and bilingual Russian and French dictionaries. The multiple translations often preserved the original evaluation, especially in case of *pauvre*. Unlike *bonhomme*, *pauvre* has more Russian equivalents. Therefore, lexical isomorphism was not always preserved in translation: in some cases, the evaluation was neutralized, or even opposed to the original one, and Russian variants acquired extra semantic and stylistic meanings. These flaws may change the initial narrator-character or character-narrator point of view. They could have resulted from the lack of Russian equivalents. In early translations, they might be explained by the translator's choice of obsolete words with an archaic effect or adding extra semantic and stylistic information. In some cases, translators might have ignored the original meaning or could have been misled by the overall peculiarities of the narrative. The research can contribute to bilingual corpora of parallel texts, as well as to textbooks on comparative lexicology.

Keywords: point of view, focalization, narrator, subjective evaluation, nomination, multiple translations, lexical unit, isomorphism, deformations

For citation: Karapets V. V. Narrative Peculiarities in Translation: Lexical Units *Pauvre* and *Bonhomme* in G. Flaubert's novel *Madame Bovary*. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, 22(4): 1079–1087. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-4-1079-1087>

References

1. Paducheva E. V. *Semantic research: Semantics of time and aspect in Russian; narrative semantics*. Moscow: Iaz. slavian. kul'tury, 2010, 480. (In Russ.)
2. Rey P.-L. *Présente "Madame Bovary" de Gustave Flaubert*. Paris: Gallimard, 1996, 207.

* The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research, grant No. 19-012-00620 A.

3. *Narrative theory: Critical concepts in literary and cultural studies*, ed. Bal M. London; N. Y.: Routledge, 2004, vol. I–IV, 1680.
4. Bal M. *Narratology: Introduction to the theory of narrative*, 2nd ed. Toronto: Univ. of Toronto Press, 1997, 254.
5. Rullier-Theuret F. *Approche du roman*. Paris: Hachette, 2001, 128.
6. Kozhevnikova N. A. *Narrative types in Russian literature of the XIX–XX*. Moscow: IRLa, 1994, 336. (In Russ.)
7. Etkind E. G. *Seminar on French Stylistics. Vol. 1: Prose*, 3rd ed. Moscow: Librokom, 2009, 360. (In Russ.)
8. Genette G. *Figures III*. Paris: Seuil, 1972, 341.
9. Uspensky B. A. *Poetics of composition*. St. Petersburg: Azbuka, 2000, 347. Available at: <http://philologos.narod.ru/ling/uspen-poetcomp.htm#52> (accessed 03.06.2020). (In Russ.)
10. Schmid W. *Narratology*. Moscow: Iaz. slavian. kultury, 2013, 312. (In Russ.)
11. Lintvelt J. *Essai de typologie narrative: le "point de vue": théorie et analyse*. Paris: Corti, 1981, 315.
12. Cohen M. *Grammaire et style, 1450–1950: cinq cents ans de phrase française*. Paris: Editions sociales, 1954, 237.
13. Gardes-Tamine J. *La stylistique*, 3e éd. Paris: Armand Colin, 2010, 240.
14. Korman B. O. *Study of a literary text*. Moscow: Prosveshchenie, 1972, 110. (In Russ.)
15. Gothot-Mersch C. Le point de vue dans "Madame Bovary". *Cahiers de l'Association internationale des études françaises*, 1971, 23: 243–259.
16. Schwanck I. *La petite aventure dont le lecteur se souvient peut-être: Analyse linguistique des intrusions du narrateur dans huit romans*. Helsinki: Societas scientiarum fennica, 1994, 172.
17. Razlogova E. E. "The Queen of Spades" in French translations. *Voprosy Jazykoznanija*, 2012, (6): 66–92. (In Russ.)
18. Razlogova E. E. Towards the problem of rendering narrative schemes and stylistic figures in translation. *Vestnik MGU. Serija 9. Filologija*, 2013, (3): 101–120. (In Russ.)
19. Razlogova E. E. On isomorfism in translation. *Ritorika. Lingvistika*, 2016, (12): 128–137. (In Russ.)
20. Razlogova E. E. Standard and non-standard versions of translation. *Voprosy Jazykoznanija*, 2017, (4): 52–73. (In Russ.) DOI: 10.31857/s0373658x0001021-2
21. Andreeva K. A. *Grammar and poetics of the narrative in Russian and English*. Dr. Philol. Sci. Diss. Tyumen, 1998, 242. (In Russ.)
22. Kurskikh O. V. *Linguistic means to express the category of 'point of view' in modern French narrative text*. Cand. Philol. Sci. Diss. Pyatigorsk, 2013, 172. (In Russ.)
23. Leontieva E. A. *The point of view in narrative (a comparative analysis of Russian short stories and their German translations)*. Cand. Philol. Sci. Diss. Tyumen, 2005, 190. (In Russ.)
24. Matveeva N. V. *Narrative structure of literary discourse (in novels of "stream of consciousness" of the early XX century)*. Cand. Philol. Sci. Diss. Moscow, 2003, 192. (In Russ.)
25. Tataru L. V. *Point of view and composition rhythm of the narrative (in English modernist texts)*. Moscow: Izd-vo MGOU, 2009, 302. (In Russ.)
26. Loock R. *La traductologie de corpus*. Villeneuve d'Ascq: Presses universitaires du Septentrion, 2016, 262.
27. Berman A. *La traduction et la lettre ou l'auberge du lointain*. Paris: Seuil, 1999, 144.
28. Privat J.-M. La lettre et le panier. *Ethnocritique de Flaubert. Ethnologie française*, 2014, 44(4): 551–561.